

Вест. клуб. — 2002, — 25 апр. — с. 25

НАШ СТАРШИЙ БРАТ

Дмитрий БЫКОВ

Большинство его современников — давно уже мемориальные доски с перечнем былых заслуг, спорить о них сегодня не станет и заядлый полемист. Жуховицкий же — всегда оптимистичный, временами неприятный, отлично сохранившийся, неизменно увлекательный — совершенно не воспринимается мэтром, и спорить с ним хочется, как с ровесником. Читая иной его текст — ну, скажем, сравнительно недавнюю апологию полигамии в «Огоньке», где он одобряет талантливых мужчин, успевающих оплодотворить как можно больше женщин, — я иной раз за голову хватаюсь: ну что он такое несет?! Но для человека, которому семьдесят, у которого за плечами десятки пьес, повестей, романов, сценарий к муратовским «Коротким встречам» и дружба с лучшими писателями эпохи, для адресата ароновских стихов, для собеседника первых лиц государства — именно такая реакция младших коллег и есть высочайший комплимент. Это значит, что он живет всех живых.

Жуховицкий всегда был сугубым западником, может быть, и не сознававшим того. Он не шел на открытый конфликт с государством, не ходил в диссидентах, но самым стилем своим предлагал возможность альтернативы. Альтернатива эта не была ни болтливой, ни прекраснотушной, — она заключалась в том, чтобы по максимуму реализовать себя, быть деловым и четким в советских неделовых и нечетких условиях; все зависит от тебя — вот был императив Жуховицкого. Даже романтика его ранних сочинений — романтика сильных, деловых и уверенных в себе людей. Слюни искупаются, жалобы отменяются. Прагматик? — безусловно. Циник? — чего нет, того нет. Вот почему Жуховицкий был востребован при любых эпохах, ни с одной из них не совпадая: он, собственно, и не ждал, пока эпоха с ним совпадет. Он очень последовательно и плодотворно работал, уча молодых людей ничего не просить и не требовать, а всего добиваться самостоятельно. Добавьте к этому способность увлекательно изложить все, что угодно. Не впасть в занудство, когда жанр — эссе, публицистическая колонка и пр. —

ФОТО ИГОРЯ ИВАНДИКОВА

Жуховицкому исполняется семьдесят — шестидесятники понемногу перебираются в семидесятники. Дата серьезная, однако в случае с Жуховицким совершенно не хочется впасть в академический тон.

Из всех прозаиков, драматургов и публицистов заветной шестидесятнической поры он остается персонажем наименее музейным и наиболее актуальным.

располагают к этому автоматически. И вдобавок у Жуховицкого — огромный врожденный запас социального оптимизма, то есть некоей презумпции невинности по отношению к каждому времени, в котором он живет. Это у него не от телчьего восторга перед жизнью, а от зрелого понимания того факта, что бывает хуже. Он это знает на личном опыте.

Про Жуховицкого ходила злая шутка: один критик, прочитав его роман, сказал — я, мол, прочитал первую страницу и убедился, что ав-

тор умеет писать; следующие четверта страница ничего к этому убеждению не прибавили. Пожалуй, городская проза Жуховицкого в самом деле не претендовала на откровения. Но, во-первых, «автор умеет писать» — это в семидесятые почти про каждого писателя можно было так сказать, а сегодня и про каждого десятого не скажешь. А во-вторых, именно проза Жуховицкого (не самая известная часть его обширного творческого багажа) всегда меня привлекала увлекательностью и точностью. Да, собственно, никакой ув-

лекательности, кроме точности, и не бывает. В этих романах и повестях о быте средних интеллигентных горожан осталось очарование семидесятых — в которые я вырос и которые, как ни крути, навсегда для меня останутся райскими. Просто потому, что это было время детства, — а еще потому, что мистическое предчувствие перемен всегда прекраснее перемен.

И напоследок — еще одно признание, не знаю, насколько юбилейное... В восьмидесятые и девяностые еще существовал тип московской богемной красавицы. Не знаю, куда он сейчас делся — вероятно, деградировал вместе с богемой. Так вот, эти богемные красавицы лет двадцати-двадцати пяти любили крутиться около писателей, служили им музами и недолгими, но приятными спутницами. Несколько таких девушек бегали и на мои вечера, и с ними у нас бывали веселые необременительные романы, иногда на одну-две ночи. Некоторые из них радостно признавались, что одно время были влюблены в Жуховицкого и вовсе не жалеют о времени, проведенном в его обществе. Что интересно, слухи о подвигах Жуховицкого в этой области доходят до меня и теперь — правда, иными путями (я остепенился и скорострельных романов стараюсь избегать. Тридцать пять лет будет зимой, что вы хотите).

Так вот, мне тридцать пять, ему семьдесят. Между тем у нас есть не только общие интересы и общие взгляды, но и общие, скажем так, знакомые. Мне кажется, что в иное время такое признание прозвучало бы двусмысленностью, — но в день юбилея оно, мне думается, скорее комплиментарно.

Поздравляю вас, Леонид Аронович, наш старший брат — не отец, не дед, Боже упаси, а именно брат по этим временам и по этой профессии. Когда-то вы приветствовали первые шаги многих журналистов моего поколения и помогали нам горячим одобрением, хотя страшно сказать, какую чушь мы несли. Но ведь ценна не только мысль — ценен темперамент. Спасибо Жуховицкому, научившему нас это ценить. Я желаю ему еще многих статей, романов, пьес — и... да, да, нечего смущаться, господа. И этого тоже. ■